

Работы победителей I открытого областного конкурса

«Проба пера», 2016г.

Номинация «Проза»

Возрастная категория: 12-14 лет

I место:

Брызгалова Алёна, 14 лет

село Вагино, Красноярский край

Этот удивительный мир птиц

Я родилась в Красноярском крае и этим горжусь. Если бы мне пришлось переехать в другое место, я бы очень скучала по родине. Я очень люблю родной край, потому что у нас красивые леса, много животных и птиц. Природа занимает особое место в моей жизни. Всё трогает меня за душу: и маленький весенний ручеёк, и первые пахучие почки на деревьях, и проснувшиеся работяги-муравьи, и звонкие птицы, приветствующие приход весны.

В наших сибирских лесах удивительно хорошо, особенно летом. Зайдёшь в лес, залезешь на дерево, да ещё и повыше, и любишься красотой, а лицо обдувает тёплый ветерок. И кажется мне, что я птица, и вот-вот взлечу вместе с остальными пернатыми, чирикающими, свистящими, поющими. Я подражаю их щебетанию, и они прислушиваются и что-то пытаются мне ответить. Особенно это касается ласточек, которые прилетают к нам каждую весну. Им так безопасно под крышей нашего дома, что я уже со счёта сбилась, сколько там гнёзд. А какие заботливые ласточки-отцы. Когда мамаша высиживает птенцов, папаша крутится где-то рядом. Он и от врагов охраняет, и за самкой следит. Как только ласточка вылетает из гнезда, чтобы подкрепиться, самец тут же занимает её место и не даёт остыть яйцам. И вот что ещё удивительное: потом вылупившихся птенцов кормят не только

родители, но и другие ласточки, которые ещё не обзавелись потомством. Я так полагаю, что это ближайшие родственники наших ласточек, наверное, их прошлогодние дети. А если рядом появится ворона или кошка, то уже целая стая ласточек налетает гурьбой и так начинает пилотировать, что нарушители спокойствия убираются восвояси. А когда птенцы подрастут, то начинается их серьёзное обучение. Я наблюдала, как маленькие серенькие комочки вылетают первый раз из гнезда, садятся на первый попавшийся выступ и смирно сидят, боясь пошевелиться. Рядом пристраивается кто-то из старших и начинает стрекотать. То ли упраскивает, то ли инструкции даёт. Потом делает вираж и снова садится неподалёку. И так продолжительное время. И вот уже я не выдерживаю и начинаю помогать глупышу: «Ну, давай, не бойся, у тебя же есть крылья, маши ими вот так, маленький трусишка». И сама бегаю по двору, взмахиваю руками, но... никуда не лечу и смеюсь над собой. Конечно, взрослые ласточки смотрят на меня и тоже посмеиваются над моими попытками взлететь. Но вот, смотрите, птенец решился и полетел. И, перелетая с одного места на другое, вот уже смело поднялся выше. И рядом с ним летят уже другие птенцы в сопровождении старших птиц. Какой удивительный мир, и какие невероятно заботливые отношения!

Однажды я увидела на поленнице дров маленького птенца, который сидел неподвижно долгое время. Когда я попыталась взять его, то он даже не сопротивлялся. Мама сказала мне, что это щеглёнок, редкая птица в наших местах. Я взяла его домой, назвала Кешей и посадила в клетку. Он был очень слабеньким, но примерно через несколько дней начал уже смешно перепрыгивать с места на место. Очень интересно мне было наблюдать, как меняется окраска птенца. Изменения происходили каждый день: сначала головка была чёрная, потом появился сероватый оттенок, который начал меняться на настоящую жёлтую корону. Я очень полюбила забавного птенчика и в тёплые деньки выносила его на улицу. И вдруг я заметила, что

каждый день к нему прилетает щеглиха, садится рядом с клеткой и начинает посвистывать. И Кеша в ответ ей: «Фью-фью». А когда Кеша сидел в своей клетке дома, щеглиха уже не щебетала, а уныло сидела на краешке крыши. И тогда я поняла, что Кешу нужно срочно выпустить на волю. Я так и сделала.

Теперь Кеша – свободная птица. И я ещё не раз видела его и пыталась пообщаться.

Скоро наступит лето, и для меня опять начнутся удивительные открытия мира птиц, маленьких, но таких умных и совершенных.

Кидяев Владимир, 14 лет,

Боготол, Красноярский край

Ванька. XXI век

Ванька Жуков, десятилетний воспитанник детского дома, в эту ночь не спал. Мысли, тревожившие его последние несколько месяцев, наконец-то сложились в четкий план действий. Убедившись, что все ребята в комнате уже спят, Ванька встал с кровати, тихонько пробрался к стоявшему на столе старенькому ноутбуку, открыл его и начал печатать...

«Уважаемый Павел Астахов! – начал он. – Помогите мне, пожалуйста, я не могу здесь больше жить». Ванькины глаза наполнились теплыми, готовыми пролиться, слезами. После смерти матери, Полины Николаевны, прошло уже больше года, но он никак не мог смириться с ее потерей. Мать работала учительницей в сельской школе, отца не было и в помине.

Ванька перевел глаза на темное окно, в котором мерцали огоньки рекламных вывесок, и живо вообразил себе свою мать. Это была маленькая, худая женщина с улыбчивым лицом и грустными глазами. Попав в деревенскую школу по распределению, к деревенскому укладу она так и не привыкла: живность не держала, урожай с маленького огорода прибрать как следует не умела, в лес по ягоды и грибы не ходила. Кроме как учить детей,

ничего не умела, поэтому на работе брала любую нагрузку. Весть о закрытии школы грянула как гром среди ясного неба. Полина Николаевна умерла от обширного инфаркта. Ванька отчетливо запомнил ее осунувшееся лицо с острым птичьим носом и сложенные на груди руки. Все остальное было как в тумане: венки с черными лентами, траурная музыка, причитания соседок.

Сначала Ваньку приютила соседка тетя Валя, а потом из города приехали незнакомые женщины с одинаковыми, ничего не выражавшими лицами, долго писали какие-то бумаги и увезли «несовершеннолетнего Жукова» в детский дом.

Ванька вздохнул, потер глаза и продолжал печатать: «Жизнь моя тут совсем невыносимая, никому я не нужен. Воспитатели на нас орут, ругаются, почему зря. Старшие ребята делают пакости всякие, а на нас спирают. Взрослым разбираться неохота, вот они на нас и срываются – ночью заставляют полы мыть и туалеты чистить. Самые старшие и те, кто понаглей, приказывают носить им сигареты и деньги, а кто не принесет, того бьют.

А кормят нас очень плохо. Каждый день каша на воде да суп жидкий. А чтобы пирожки или блинчики, так этого мы никогда и не видели. Зато повара каждый день такие сумки домой тащат, даже ноги подгибаются, нам из окна все видно.

Но самое обидное, дядя Астахов, что я тут, ни разу доброты не видел ни от кого. Что им, жалко, что ли, хоть одно доброе словечко сказать или просто улыбнуться? А еще я слышал, как ребята рассказывали, что некоторых детей в приемные семьи забирают, и там им очень хорошо живется.

Дорогой Павел Астахов, помоги, пожалуйста, найди людей, которые забрали бы меня в свою семью. Я бы своим новым родителям помогал во всем: дома убирался, в магазин ходил, а если у них ребенок маленький есть, я бы кроватку качал. Только заберите меня из детдома!».

Ванька дописал письмо, в адресную строку ввел: «город Москва». Затем, подумав, добавил: «Помощнику детей Павлу Астахову» и нажал кнопку «Отправить». Довольный и уставший Ванька уснул спокойным сном.

II место:

Козлова Мария, 13 лет,

г. Усть-Кут

Небо

I. Маруся

Небо Маруси - голубое. Маруся не задумывается о погоде (она вообще редко о чем задумывается), и даже в дождь, когда серые мягкие тучи полностью заслоняют небосвод и от нехватки места лезут на землю, Маруся знает, что небо - голубое. На всех рисунках – голубое, без единого облачка, криво нарисованные темно-синие капли падают просто так, из открытого неба, появляются наверху и исчезают внизу, среди косых травинки, по мнению Маруси, совсем как настоящих.

У неба запах молока и пирожков с печенью, которые пахнут приятно, а на вкус – хуже лука. Маруся ела и то и другое у бабушки в деревне, у которой небо голубое почти всегда. По-правде, не на рисунках.

А по ночам небо исчезает. И наступает темнота.

Темнота скалит черные зубы, тянет к Марусе острые когти, и в глубине глазниц у нее что-то белое, извивающееся, чего лучше не видеть. Маруся закрывает глаза и кричит – громко, звонко, чтобы не слышать тихого смеха темноты, чтобы пришла мама.

И мама приходит. Приходит, прибегает, обнимает Марусю: «Не плачь, не плачь!» - говорит мама. И Маруся мотает головой, нет, она не плачет, она не боится «бабайки», не боится приведений, она боится темноты. «Смотри,- говорит мама, поднося Марусю к окну, - смотри - луна, звездочки светят», и Маруся жмурится еще сильнее, ведь оттуда, сверху, на нее смотрят миллионы крошечных глаз. «Не бойся, - снова говорит мама, укладывая Марусю обратно на кровать, - не бойся, птенчик, завтра будет утро, будет солнышко, будет светло, тепло, небо синее, птички поют». Мамин голос плюшевый и мягкий, у нее глаза – два одуванчика, и волосы пахнут

апельсинами, а в ушах стеклянные капельки, они качаются и блестят в свете ночника.

Маруся верит маме, мама говорит, что коровы мычат – правда, что солнце звезда – правда, что наступит утро – и утро наступает. Не сразу, но наступает, и когда Маруся открывает глаза, то видит, что небо – голубое.

Небо - голубое.

II. Паша

Небо Паши – гладкая чернота. Легкая, нежная оболочка (крылья бабочки вверх-вниз). Второй слой – бархат, куча крохотных котят, мягкая шерстка, шершавые языки, а за всем этим – океан. Океан – большое, синее, холодное до онемения рук. Внутри киты, большие и не очень, липкие сгустки водорослей, острые ракушки и осьминоги. Небо редко дает себя потрогать, но у Паши получалось.

Земля – грязь. Бутылки, бутылки, отвратительный желтый, липкие руки, засохшие в лампе жуки, «чтоб ты сдох!» и «тебе того же!». И алкоголь. Много-много алкоголя. Паше давали алкоголь, Паша пил пиво, вино, водку и мутный, пахнувший зеленью раствор. Паша делался красным, у него заплетался язык, он падал и не мог подняться. И тоже красная мама – кричала, и тоже красный папа – брал его за волосы, кидал в вечер, в темноту, в белый-белый холод.

Тогда, лежа на крыльце, лицом вверх, Паша впервые, нет, не потрогал – до этого еще далеко, Паша впервые увидел в небе океан.

Больших и не очень китов, осьминогов – медленных и смешных, острые звезды – ракушки и темно-зеленые сгустки морской травы. Паша удивился, остался лежать до утра, пока солнце не встало, и океан не уплыл до следующей темноты.

И Паша стал смотреть на небо чаще. Потому что в океане грязи нет.

III. Никита

Небо Никиты – пространство над землей, или поверхностью любого другого астрономического объекта. Небо – шероховатые страницы словаря, плоские строчки, прочитанные чужим голосом. Довольно фальшивым для чувствительного слуха голосом.

Люди ходят: топ – топ, шурх – шурх, тихие шаги, звонкие шаги, громкий топот, глухое шарканье. Люди смеются: ха-ха, хе-хе, банальные звуки: качели – скрипят, листья – шуршат, монеты – звенят. Небо – безмолвно.

Небо молчит, не говорит... «Ты не можешь его услышать...» Молчит тихо, тише воздуха, тише улыбок, намного тише, чем тишина. Никита знает тишину. Её ведь много.

День: «Оно такое, голубое и красивое...», выпуклые книжки, мягкие игрушки, завтрак, ужин, обед, лепка, разговоры: «поиграй с другими».

Ночь: «Такое черное, со звездами...», сон.

Пустые звуки. *Пустые.*

«Ты иногда, - доверительный Пашин шёпот на ухо, - иногда можешь его потрогать. У меня получалось. Оно, такое... как океан!». Никита тянет руки в окно. Ничего.

Год. Два года. Десять лет. Десять лет пустых звуков, протянутых рук, «пространство над землей...» и строчек словаря. Десять лет *ничего*.

А потом - все!

У Маруси нежные руки, длинные волосы, смех - мед и корица, у Маруси: «Так ты не видишь?», «Ничего...» и «Не волнуйся...», «Дай руку», «Небо – изумительное» и «Я – покажу!».

И когда совершенно счастливый, влюбленный, смущенный Никита тянет вверх зажатую в хрупкой ладошке руку, он чувствует: небо – изумительное. Действительно – *изумительное*.

III место:

Дигас Екатерина, 14 лет,

г. Ангарск

Очерк о БАйкале

Три красных точки на карте Иркутской области: Свирск – здесь родилась моя бабушка, Ангарск – родина моей мамы, Иркутск – это моя. Их связывает голубая лента – Ангара, их связывают серые ленты дорог, прозрачные ленты ветров, летящих с Запада на Восток и облака, плывущие по этим прозрачным дорогам. И, если дождь начинается в Ангарске, все знают, что через час он долетит до Иркутска, а дальше путь его – на Байкал.

Вот и я сегодня лечу на Байкал по одной из дорог, а может быть, это летит мое сердце. Я лечу прямо над изумрудной Ангарой, впереди уже видно шаманский камень, а дальше ... Дальше раскрывается такой простор, что перехватывает дыхание, и можно только тихо сказать: «Здравствуй, Байкал!» и еще: «Господи, спасибо тебе, что ты привел меня сюда, что я могу видеть это!».

Байкал ... Он меняется каждую минуту под лучами солнца или под тенью облаков. А, если взмахнуть крыльями и полететь над Байкалом, мы тоже увидим самые разнообразные картины: степи, горы, долины, уютные лесные полянки и грозные неприступные скалы.

Сегодня я – гордый байкальский орел,
Лечу над степями, над ширью Байкала,
Я вижу цепочки синеющих гор
И чаек гнездовья на мраморных скалах

Сегодня я – маленькая кабарга,
Стою на вершине над синей рекою,
Спускаюсь по горной тропе к водопою,
Мой дом – бесконечная эта тайга.

Я – шустрая нерпа в серебряной шубке,
Плыву в глубине, где байкальские губки
Красуются в толще хрустальной
воды,
На самом подножье подводной гряды
Сегодня я буду веселой кедровкой,

Я буду орешки припрятывать ловко,
Легко я достану кедровые шишки
И буду нахально смеяться над мишкой.

А завтра я диким кабанчиком буду,
Еду для себя я всегда раздобуду,
Пойду к огороду, где Сашка с Алешкой
Весной для меня посадили картошку.

Я отношусь к Байкалу, как к живому существу, вернее, даже не к существу, а явлению, но одушевленному и одухотворенному. Я могу разговаривать с Байкалом, и я знаю, что он понимает меня, я могу рассказать ему все, что у меня на сердце, все, что я не могу сказать никому другому. И он всегда отвечает мне. Он разбивает солнце на миллионы маленьких солнечных зайчиков и дарит их нам вместе с бегущими навстречу волками. Иногда он нахмурен и великолепно красив в своей грозной силе. Тяжелые серые тучи закрывают синие горы Хамар-Дабана, свинцовые волны с грохотом бьются о скалы ... Я стою на берегу под шквальным ветром промокая до нитки и все равно говорю: «Я люблю тебя, Байкал!»

Памятник прабабушке

Рассказ

Как-то осенним утром, в воскресенье, всей семьей мы поехали в Иркутск прогуляться по набережной, сходить в музей и повстречаться с новыми и старыми памятниками города. Бабушка обещала нам показать памятник прабабушке. Мы с братом очень заинтересовались и с нетерпением ждали встречи со своей прабабушкой.

От Московских ворот мы прошли вниз по течению Ангары и увидели небольшой скромный памятник – на постаменте двое мужчин с каким-то странным прибором на треноге. Бабушка пояснила нам, что этот прибор называется теодолит. Мы подошли поближе, внимательно осмотрели памятник в надежде увидеть прабабушку, но ее не было. «А где же прабабушка?» - с разочарованием спросил

брат Гоша. А бабушка ответила, что это памятник не конкретному человеку, а геодезистам-изыскателям. Эта профессия была очень необходимой и романтической в начале XX века. В это время шло великое преобразование Сибири: строились новые дороги, города и заводы, а геодезисты были как первопроходцы, именно они забивали первые колышки, по которым потом прокладывали дороги. В это время наша прабабушка Валя была молодой энергичной девушкой, выпускницей иркутского Горного института. После окончания она попала в изыскательскую экспедицию, которая прокладывала дороги в верховьях Амура, на границе с Китаем. Тогда Валя со своей мамой жили на окраине Иркутска, на улице Горной. Эта улица была знаменита своими разбойниками, которых называли «Горные парни». Они держали в страхе всю округу. С наступлением темноты жители закрывали окна деревянными ставнями, запирали ворота и старались не выходить на улицу.

Однажды утром прапрабабушка, выглянув в окно, увидела на улице незнакомых молодых ребят с такими же инструментами в руках, как у мужчин на памятнике. Они объяснили прапрабабушке Тане, что скоро их улица станет очень важной – по ней пройдет дорога к аэропорту, который построят в самом конце улицы, за чертой города. Прапрабабушка пригласила ребят на обед. Она сварила вкусный борщ и напекла пирогов. Ребята с удовольствием поели и спросили, почему она их пригласила. На что хозяйка ответила: «Моя дочка сейчас ходит по тайге, по горам с такими приборами, как у вас. Может быть, и ее кто-нибудь покормит».

Вскоре прабабушка Валя вернулась из экспедиции, и ее отдел направили на строительство аэропорта. Аэропорт строили с большим энтузиазмом. Людям казалось фантастикой, что на иркутскую землю прилетят большие пассажирские самолеты. Хотя самолеты уже прилетали в Иркутск и раньше, но это были гидросамолеты. Тогда в устье реки Ушаковки был организован гидроаэропорт, и самолеты садились прямо на воду.

На строительстве аэропорта требовались не только инженеры и геодезисты, но и рабочие. Многие «горные парни» стали работать на этой замечательной стройке. Так они распрощались с бандитской романтикой и впоследствии стали рабочими, инженерами и даже писателями.

А прабабушка со своим теодолитом поехала дальше – строить новый завод в Усолье и молодой город Свирск, где она и осталась жить.

Мы еще побродили по Иркутску, купили букет цветов и положили его к памятнику прабабушке.

Лапардин Егор, 12 лет,

г. Ангарск,

Улица чудес

У каждого человека есть место, где он родился. Есть такое место и у меня. Я хочу рассказать про улицу, на которой живу. Улица находится в городе Ангарске, которому в этом году исполняется 65 лет. Замечательная дата, замечательного города!

Моя любимая улица - это улица с красивым названием «Весенняя». Это не центр, но мне здесь очень нравится. Для меня наша улица полна чудес!

Чудо первое. Я помню, как по ней мама водила меня в детский сад. Тогда мне казалось, что улица длинная-длинная, что ей нет конца. Мы шли по тротуару, а по дороге ехали машины. Мимо проходили взрослые и дети, которые торопились по своим делам. И сколько бы ни прошло времени, я всегда буду помнить себя совсем - совсем маленьким, шагающим рядом со своей мамой.

Чудо второе. Среди домов видна школа № 15, в которой я учусь. Мою школу построили 25 лет назад. Раньше здесь рос лес, а теперь кругом большие дома, а в центре стоит школа. Школа - украшение нашей улицы!

Чудо третье. За школой находится большая спортивная площадка. Летом я часто вечером хожу туда играть в футбол. Зимой мы с папой бегаем на лыжах вдоль школьного забора. Как здорово! Мне нравится заниматься спортом.

Чудо четвёртое - вечерняя улица. Целый день на улице весёлый шум, а вечером всё затихает. Улица становится тихая и спокойная. Такой спокойной улице, наверное, нет во всём городе?

Чудо пятое - на этой улице живут мои друзья. Кто знает, может, я её люблю за то, что она мне подарила друзей, радость, смех. Ведь живу я тут все двенадцать лет.

Я ничуть не жалею, что у моей улицы пока нет интересных истории как у других улиц Ангарска. Наша улица не была названа в честь кого-то. Мне кажется, своё название она получила весной. В это время года всё вокруг расцветает, и улица становится чудесной. Ну и без этого я люблю свою улицу, ведь может когда-нибудь моя улица станет ещё самой известной улицей Ангарска.

Митрофанова Дарья, 12 лет,

г. Ангарск

Китайский язык

Жила-была девочка. Имя у неё было странное, но очень красивое: Снежилъ. Она училась в обычной школе в пятом классе и жила в небольшом уютном сибирском городе посреди тайги. Прошлой зимой на новогодние праздники она с мамой и папой поехала в Китай, загореть от солнца. В Китае, в городе Манчжурия они остановились в трёхзвёздочном отеле.

Прошло несколько дней, Снежилъ уже хорошо знала близлежащие улицы и иногда гуляла по ним одна. Как-то она попросила маму отпустить её на рынок, который располагался совсем недалеко от их отеля. Мама разрешила. Снежилъ, прогуливаясь по улицам города, увидела в книжном киоске русско-китайский словарь. Она купила его и с интересом заучивала некоторые фразы. И вот она дошла до рынка, постоянно повторяя китайские слова. А там увидела старенький магазин. Её потянуло в него. Снежилъ зашла, и сразу же на глаза ей попался красивый-прекрасивый браслет с чудесными камушками. За прилавком стояла девочка примерно её возраста. Снежилъ хотела похвастаться знанием китайского языка и сказала китаяночке: «Привет, девочка! Сколько стоит этот браслет?», а вместо этого у неё получилось: «Фу, какая ты не красивая! Сколько стоит этот браслет?». Девочка рассердилась, взяла браслет, что-то пошептала над ним и сказала по-русски:

-На! Я тебе его дарю!

-Спасибо! - обрадовалась Снежилъ и выбежала из магазина, на бегу надевая браслет. Как только он оказался на руке, сразу засветился, но тут же погас.

Дома мама позвала её в аквапарк. Снежилъ очень любила аттракционы аквапарка. Родителей пустили, а её нет. Расстроенная Снежилъ вернулась в отель и не смогла своим ключом открыть дверь своего номера. А когда пришли родители, то они легко и просто открыли дверь. Снежилъ села на диван и захотела попить зелёный чай, чтобы успокоиться, но пролила его на себя. «Что же не так?» - окончательно расстроилась Снежилъ. «Почему меня весь день преследует неудача?» - задумалась она и вспомнила, как необычно засветился и погас браслет на её руке. «Именно с этого момента со мной и стали происходить всякие неприятности. Девочка-китаянка шептала над ним заклинание!», - догадалась Снежилъ и решила, что надо от него избавиться.

Она вышла из номера, спустилась в холл, незаметно положила браслет на журнальный столик и ушла.

После этого у неё всё наладилось. К ней вернулись удачи, а неудачи прекратились. Но пока Снежилъ с родителями была в Китае, она очень осторожно обращалась с китайским языком – не хотела больше ошибаться.

Возрастная категория: 15-17 лет

I место:

Беляев Владислав, 17 лет,

г. Ангарск.

Сказ о своем месте

Давным-давно на земле Русской средь полей бескрайних и лесов широких высился град Турож с высокими церквами да красными дворами. Стоял он у реки Струмны, воды чьи впадали в Русское море¹, а посему и гостей в Туроже бывало немало. Варяги же с севера и вовсе круглый год не покидали тот город, и ежели кого спросить о том, когда последний раз в Туроже не было северян, едва ли хоть один человек назовет то время, ибо было оно давно, ежели и было вообще.

И надо бы судить, что если город тот стоял на большой дороге, то и промыслов в нем всяких было сполна. И кузнецов гора, и гончаров туча водилось в Туроже, а также плетельщики, художники, камнетесы, кожевенники там были да на каждой улице скоморошек народ веселил. И средь талантов тех ни высоко ни низко жил-поживал да людей потешал один гусяр, с виду русич, да волосами темен. Имя дали ему Некрас, ибо от рожденья красотой лица он не радовал, да и, ежели до конца говорить, то уж совсем ничего в нем пригожего не видать, не слышать не было. Жил Некрас в ветхой крохотной избушке на окраине Турожа и изо дня в день ходил с громоздкими старыми гусями на площадь, чтобы, как говаривал, смеясь, сам Некрас, брюхо со спиною не повстречались, то бишь, чтоб гроши себе на пропитание заработать да с голоду волчьего не помереть. Так и скучно в избе темной днями сидеть, ведь жил Некрас давно уж один-одинешенек. А раз уж

¹ Черное море.

гусли есть, то чего бы им в углу покоиться, коли можно пойти с ними на воздух да народ послушать, а заодно и за пазуху запрягать, что люди добрые дадут? И ничего боле Некрас не умел, кроме как бренчать по гусям, которые ему от отца достались, да и тут не все ладилось: груба была мелодия, что он играл. Однако везде Некрас свои руки опробовал: и корзины плести пытался, и посуду расписывать, и кожу выделывать, Но нигде его руки не прижились, нигде похвалы он не получил. Печалило это Некраса, и, вроде бы, возьмет он гусли, заиграет да позабудет о грусти. Но вдруг зайдет к нему знакомый один, Горазд, который зодчий – крепкий детина, и начнет языком молотить, что, мол, вот, Некрасушка, терем я построил вот этими вот руками, да такой дивный, да такой высокий, и вот, как все меня хвалят! А ежели язык свой еще не смозолил Горазд, то говорит он уже про других мастеров: «Слыхал ли ты, Некрасушка, про бондаря Дубыню из града соседнего? Слыхал ли, какие бочки делает он? Говорят, что ежели воды в такую налить, то за год и капли не убежит! А вот люди рассказывали про Истому кузнеца. Эх, мужик, говорят. Так славно кует, что залюбуешься, Некрасушка!».

Все слушал, слушал Некрас того болтуна хвастливого и печалился, что плохой он гусярь, ежели его за разговорами не поминают. «Не так оно и не этак», – говорил Некрас сам себе, поминая молодость и коря себя за то, что толком ничему не научился. И даже гусли, единственное, чему он был обучен, не славили его. Были в Туроже гусяры куда лучше Некраса, и рублей собирали они больше, чем он. И ходил народ к тем гусярам и слушал их, а не Некраса, и потому был он беден.

И вот, ранним утром решил Некрас, что полно по его ушам ходить рассказами о молодцах удалых. Решил он, что нечего в Туроже делать боле. Собрав узелок невеликий, покинул Некрас в безрассудстве свою избу, а затем и Турож, повесив за спину гусли свои тяжелые да истасканные.

И то ведь хорошо, что ушел Некрас в начале лета, ибо путь его был долгим и длинным. Зимой помер бы Некрас с голоду да холоду, а летом и солнце согреет, и ягода накормит, и трава постелью сделается.

Однако как бы усердно не веселили его птицы, как бы не бодрили его воды ключевые, Некрас уставал все больше и больше: и путь был далеким, и сам Некрас уже не молодым.

Бывал гусярь во многих городах и деревнях, по многим стезям ходил да по рекам плавал, пил он из многих колодцев и ел из разной посуды. Бывал и в Киеве и в Чернигове, да нигде его не приветствовали, и все никак найти он не мог, что искал. А что искал, Некрас и сам понять не мог. И вот как-то

раз подумал он, что и вовсе ничего не ищет, да и найти не может. «Вот приду я в деревню маленькую, – думал Некрас. – Сяду где-нибудь и начну на гусях играть. А что мне пользы с этого? В деревне той, небось, и о деньгах не знают, да и много ли я там получу? А вот и с другой стороны, ежели в град великий мне попасть? И золота и серебра в нем много, и еды с питьем вдоволь. Но кто же слушать мои гусли будет? Народ там спешит все время и не до музыки им. А и окромя моих гуслей там дудок да свирелей тьма! Глядишь, перепоют! Нет, нельзя мне ни в град, ни в деревню. Так почему же я Турож оставил?».

И пошел Некрас дальше, а в Турож вращиваться, тем не менее, не захотел.

Вот уж идет он дорогой дальнею, а где идет – неведомо. Дни плывут вперед его, да ночи за ними поспевают. И тянется лентою переливчатой лето.

Да вдруг взяла та лента и закончилась.

Спал наземь один листик, другой затем, и облюбовала равнины русские осень-краса золотая.

Только не увидал Некрас прелести в этом. Ибо осень знаменует грядущую стужу, а без крова и еды Некрас помрет в ней.

И пошел гусяр быстрее, дабы найти пристанище на зиму. Но ни в одной деревне, ни в одном селении не приняли Некраса в дом. Либо сами люди бедно жили, либо страшен для них был Некрас, неслабо постаревший в долгой дороге и случившийся еще более уродливым за многие дни лишений.

А по полям все сильнее дул ветер, остужая воздух и срывая вместе с листьями последние дни сбора урожая. Холодно стало. И каждую ночь Некрас съезживался все больше, спрятавшись в старом сарае или в неглубоком овражке. И когда невыносимым стал холод, все в том же безрассудстве решил Некрас идти искать Турож. Но найдешь ли тот город, ежели себя найти не можешь? Не знал Некрас, как далеко он от дома, не знал и какой дорогою идти. Но пошел. И заплутал еще больше.

А ночью одной безлунной, когда и спать было страшно от холода нещадного, шел Некрас тропою редкохоженную мимо рощицы густой да дрожал весь. И услышал вдруг со стороны вой душераздирающий, да будто бы близко он. И ринулся Некрас прочь с дороги напрямиком в чащу от волков, не подумав, что еще больше заблудится там.

Быть может, волки и не знали про путника, одиноко бредущего ночью, но бежал Некрас так, будто гнались те за ним во всю прыть. И кричал он и

руками махал да падал много раз, расшибая колени свои, однако чудом гусли его целыми оставались, прыгая на ремешке за спиною.

Вот уже не видать неба под густыми кронами леса, а под ними и вовсе ничего не видать. Так темно в чаще было.

Но глупый Некрас все бежал и бежал, пока не споткнулся в последний раз, сильно стукнувшись головою.

К счастью старого гусяря крики его были услышаны и не приняты за беснования злых духов. Под утро нашли его рослые мужики и отнесли вместе с уцелевшими гусями в деревню, Коложей называемую.

И очнулся Некрас с огромной шишкой на лбу, однако в постели мягкой да в тепле маломальском. Накормили гусяря, вымыли да отогрели, а затем отдохнуть позволили.

Недоумел Некрас от того сильно. Ибо вопрос в его голове закружил, мол, чем же заслужил он с собою такое радушное обхождение. Ведь ничем Некрас не выдался ни в одном селении, а здесь и слова не успел выговорить.

Но вдруг собралась толпа кругом старика и звонким голосом да добрыми глазами попросила Некраса сыграть что-нибудь на своем инструменте. Удивился Некрас, но взял гусли и еле дрожащими пальцами стал перебирать струны. И, пускай такая же грубая и путанная, как прежде, получилась мелодия. Сыграл ее Некрас, поднял глаза и обмер: все, кто стоял кругом него, сияли от странной радости. И все смотрели на Некраса.

И тогда спросил он, набравшись храбрости:

– Что такое здесь? Что вы смотрите на меня как на лик Спасителя?

И промолвили ему в ответ:

– Ты и есть спаситель!

А далее поведали Некрасу жители Коложи о своем несчастье. О том, что деревня эта давно уж потеряна от мира всего, и давно никто в нее не приходит. Но течет здесь речка, да скот пасется на лугу, так что и мир весь Коложи не нужен, коль сама собою она прожить может. А беда вся в том, что среди жителей деревни ни одного нет музыканта или мастера, чтобы смастерить инструмент. Без песни несладко людям живется здесь. И ни журчание ручейка, ни пение птиц не избавляют от жажды музыки.

И вот повстречали жители Коложи Некраса, что умеет играть на гусях. И принес он в их край музыку. И теперь будут они его оберегать, дабы лил он из гуслей своих звуки славные.

Выслушал Некрас говорящих, засиял, обрадовался, и заиграл снова, да так мелодично и гладко, что ни один другой музыкант в Киеве али в Туроже

не сыграл бы лучше. И радостные жители затерянной в лесу деревни стали кормить помолодевшего вдруг Некраса да согревать его, а он в очередь свою играл, теща гуслими своими старыми уши всей деревни.

Так и стали жить в Коложи, без горестей и с песнями звонкими. И не нуждался Некрас боле в тепле да в еде, а жители Коложи – в музыке.

Диплома 2 степени нет

III место:

Ганжа Никита, 17 лет,

г. Иркутск.

Когда идет дождь...

Я стоял у окна и просто смотрел на улицу. Достаточно редкое явление для нашего времени, однако посмотреть было на что. Сжимая в руке пластиковый стаканчик с кофе, я стоял и смотрел, и понимал, что мне невыносимо осточертел кофе. Безумно хотелось чаю или на худой конец компота. И все же я пил этот гадкий, уже совсем не бодрящий напиток, ведь все его пьют, верно? К тому же мне надо было наконец проснуться. “Да. На работу я точно опоздал,” – вдруг подумал я, когда взглянул на часы, но ничего в моей душе не колыхнулось, когда я представлял, как получу еще один прогул. Знаете, у меня было такое спокойно-отрешенное состояние. Было абсолютно все равно. Главное ждало сегодня всех жителей N-ска на улице. Шел дождь. Дождь, который не видели в этих местах уже лет двести, о котором не докладывали службы контроля погоды, и который шел всему вопреки, как и двести лет назад. Снаружи бегали взволнованные люди, сверху сустились аварийные службы. Лишь я стоял и смотрел.

Неожиданно дождь прекратился, и я словно стряхнув оцепенение, поспешил собираться на работу. Естественно обжегшись при этом горячим кофе, о котором и думать забыл. Одеваясь на ходу и посасывая обожженный палец, я вышел из дома и сел в автобус, шедший по моему маршруту. Отовсюду слышались людские разговоры: очень эмоционально обсуждался дождь, правда, в основном в негативном ключе. Кто-то утверждал, что это происки мятежников, кто-то пиратов, кто-то усматривал в этом безобидном, в общем-то, явлении следы правительственного заговора. И все же все спорщики сходились в одном: дожди надо прекращать или хотя бы предупреждать о них. Я мысленно посмеивался над мокрыми спорщиками и довольно явно начинал зевать.

Вдруг раздался звук заставки новостей, и из яркого зева информвизора донеслось успокаивающее бормотание диктора, опять говорившего об усилении галактического кризиса и новых стычках с пиратами. Под этот ненавязчивый голос я, каюсь, задремал. Проснулся я, когда идеальный голос диктора сменился ярким отборным матом, который впрочем, сразу же вырезали, а молодой корреспондент начал свой репортаж из нашей “любимой” Планетной Думы.

- Мы ведем прямой репортаж из здания Планетной Думы, где уже через несколько минут наши уважаемые парламентарии соберутся на внеочередное заседание, чтобы... Чтобы решить вопрос о запрещении неожиданных погодных аномалий, – парень явно нервничал и запинаясь (видимо, это был его первый репортаж). – А сейчас мы попробуем взять интервью у нашего депутата Голышева, – камера вслед за пареньком начала перемещаться ближе к массивной фигуре “служителя закона.”

– Здравствуйте, господин Голышев. Вы не могли бы ответить на пару наших вопросов?

- Да, конечно, – отозвался депутат голосом человека, привыкшего к камерам и любящего “покрасоваться.” – Спрашивайте, только быстро, – он снисходительно махнул рукой и, как будто только этого и ждавший корреспондент начал:

- Как вы можете прокомментировать произошедшее сегодня на улицах города?

- Это безобразие, это просто безобразие. Опять эта природа выходит из - под мудрого управления человека. Сотни, да что там, тысячи людей сегодня промокли по вине дождя, – он произнес это слово с едва скрываемой ненавистью. - Не за тем мы платим нашим метеослужбам, чтобы терпеть неудобства, связанные с неожиданными погодными явлениями. Впрочем, глава службы по контролю погоды уволен, а новый глава пообещал, что все неприятности будут устранены и что больше дождь никого не побеспокоит. У меня все», – закончил он и шумно выдохнул (еще бы ведь ему усиленно мешали сто тридцать килограмм собственного веса).

- Спасибо, господин Голышев, – репортер протянул руку депутату, но тот словно её не заметил. – Значит закон, запрещающий дождь на территории нашей планеты, кроме специально отведенных мест, будет принят?

- Я просто уверен в этом,- он заторопился. – Ладно, все, мне пора на заседание, – сказал служитель закона и быстрым, насколько позволяла его комплекция, шагом удалился за закрытые двери Думы, откуда снова слышался привычный уху гул.

- С вами был корреспондент Общепланетного информвидения, Кузнецов. – На этих словах экран погас,(видимо, для того, чтобы не было слышно ругани народных избранников) однако, мне было все равно, ведь автобус подходил к конечной, на которой я всегда и выходил.

На работе меня ждала обычная выволочка от шефа (не представляю, как он меня вообще терпит), несколько часов ничегонеделания и, конечно, этот гадкий кофе (без него я бы уже давно уснул, и меня бы выгнали за милую душу). Где-то часа за два до конца рабочего дня я вспомнил о недоделанном квартальном отчете, поэтому мне пришлось задержаться сверхурочно.

Когда я, наконец, дописал отчет и взглянул на часы, то был неприятно удивлен: была уже полночь. Впрочем, в последнее время я частенько засиживался на работе. Кое-как добравшись до дома, я хотел только одного – спать. Однако любопытство взяло верх: очень хотелось знать, что же решили наши горе-законники с дождями. Я включил старенький информвизор, стоявший в углу. Там как раз начинался выпуск новостей...

- На сегодняшнем заседании Планетной думы был принят закон, запрещающий несанкционированные явления природы. Новый начальник службы метеоконтроля заверил нас, что вчерашний дождь лишь недоразумение, вызванное халатностью предыдущего начальника. Будут приняты все необходимые меры, – заявил он. -- Теперь к следующим новостям. – Руководство Макбургера приняло решение...

Голос на экране надрывался, но я перестал слушать. Я думал о том, куда пришел наш мир, все человечество в целом. Мы возомнили себя царями. Даже маленький дождик мешал нам своей “незапланированностью”. Это было так... неправильно, что ли. Природа на то и Природа, чтобы быть непредсказуемой для человека, а мы успешно загнали ее в рамки своего ограниченного миропонимания, не признавая при этом её силы. Мы думали, что это мог сделать кто угодно, но только не милая, взятая под контроль Природа, на которую так чудесно ездить отдыхать с семьей и друзьями. Сложно было мириться с этим, однако и сделать я ничего бы не смог. Примерно с такими мыслями я и уснул в ту ночь...

Утром я опять проспал. Кажется, это стало моей вредной привычкой.

-- Так недолго и с работы вылететь, – подумал я, пытаюсь догнать ушедший автобус. - Следующий только через десять минут. Опоздаю точно. Черт! Ладно, подожду его на другой остановке». Мысленно придя к такому неутешительному выводу, я и пошел вперед.

Я шел, мысленно проклиная все на свете, как вдруг почувствовал нечто странное. Как будто капли воды падали на мое лицо. Я поднял голову и рассмеялся во весь голос. Редкие прохожие с недоумением и страхом оборачивались мне вслед. А я все стоял и смеялся, подставляя свое лицо небу. Я смеялся, пока прохожие не оттащили меня в соседнее кафе, и смеялся, когда меня сажали в машину медицинской службы. Я смеялся...

А на улице снова шел дождь...

Отт Екатерина, 16 лет,

Боготол, Красноярский край

Любовь спасет науки

НАЧАЛО.

Лаборатория биологических наук. Напряжение в воздухе могло сбить с ног. Команда Лихачева снова спорила с командой Петренко, они вновь не могли поделить оборудование в лаборатории. Этот спор длился уже очень давно, почти на протяжении четырех курсов факультета биологических наук, борьба за первое место среди учащихся не давала покоя Лидерам команд. Каждый хотел доказать, что именно он достоин звания «Биолог выпуска». И так, не за горами и битва за это почетное звание, поэтому Лихачев и Петренко решают открыть, что-то нечто, то, что могло бы приковать внимание преподавателей, то, что решило бы все! Они решают вырастить

бактерии. У кого результат будет лучше, тому и гордое звание «Биолог выпуска».

Это было напряженное утро. В лаборатории №1 все готовилось для создания бактерии Лихачева. В соседней лаборатории №2 дружно работала команда Петренко. Все и вся тряслось от перевозбуждения: вот кто-то уронил пробирку, с какой-то зеленой жидкостью – «О! Нет, она разъедает пол!!»; кто-то, споткнувшись, задел другого и тот упал. Но вот, все на местах: пробирки, чашки Петри, колбы стерилизованы; теперь желатин небольшими кусочками положен в колбу с прозрачным мясным бульоном, куда так же добавлены сахар и пептон, что служит для питания клетки. Получившуюся смесь уже нагревают... разливают в чашки Петри.. . эти стеклянные чашки уже закрывают стеклянными крышками. После кипячения желатин, а вместе с ним и вся жидкость должны застыть в чашках Петри в виде горизонтальных поверхностей. Пробирки со стерилизованным желатином при охлаждении держат или вертикально, как это сделал Лихачев или наклонно, как это сделал Петренко, при этом получаются или ровные, или косые поверхности желатина. После этого прокаленной платиновой иглой, вделанной в стеклянную палочку, берут бактерии и заражают ими застывшую массу уколом. Бактерии прививаются на питательной среде, и потом, когда чашки и пробирки с содержимым помещают в термостат, нагретый до соответствующей температуры, начинают быстро развиваться. Через некоторое время мы можем увидеть пятна на том месте, где были сделаны уколы.

Вот и все. Работа почти закончена, осталось только представить свои исследования преподавателям.

ЗНАКОМСТВО

Что это? Это противные крысы? Опять хотят все испортить! Это же тот самый крыс, который был в этой лаборатории подопытным, но ему удалось

сбежать. Он мстит, он хочет помешать конкурсу на звание «Биолог выпуска». Он готовит месть тем, кто так жестоко относился к его маленькой беззащитной тушке. Крыс уже все решил: надо выкрасть бактерии и избавиться от них, тогда конкурс не состоится.

Ночь. Только свет фонарей за окном освещают мраморный пол двух соседних лабораторий. «О! Что это вокруг? Где я?» воскликнула бактерия, которая была создана Лихачевым.

Из неоткуда появился слабый ответ «Помогите мне» - это была бактерия, созданная Петренко. Они еще не видели друг друга, но судьба уже за них все решила...

Велением матушки-природы они выбрались из своих чашек Петри и опустились на белый, как зимнее покрывало, пол.

Это была любовь с первых ворсинок. Ядерное вещество переполняло их от жаркой любви, их жгутики потянулись к друг другу, но... что-то огромное, волосатое, с дикими, как вихрь, глазами чуть не опрокинуло их струей воздуха – это было задержанное дыхание мерзкого крыса. Злобное животное чем то ухватило этих беззащитных влюбленных и унесла с собой.

Темно, жутко, ужасные мысли о разлуке с любимой бактерией терзают наших героев, но только не смерть. Лучше умереть, чем остаться без любимого. Жарко. Очень жарко, душно, очень сложно существовать. Наши бактерии переходят в стадию споры. Теперь они еще меньше, чем были. Злодей потерял их из виду и выключил печь, куда он поместил бактерии. Да! Это шанс, которым невозможно не воспользоваться! Судьба снова им подыгрывает! Какой-то толчок, он настолько сильный, что их выбросило, куда-то на свет.

ЛЮБОВЬ ВЕРНУЛА К СУЩЕСТВОВАНИЮ

Легко. Теперь очень легко. Но где же они снова оказались? Для них это уже не так важно, главное, что их жгутики никогда не отпустят друг друга. Постойте, кажется, эта одна из лабораторий, где их создали! Какая-то суета. Шумно. Ничего не понятно, сложно удерживать любимого, но они все крепче и крепче сжимают свои жгутики. Лихачев и Петренко обвиняют друг друга в исчезновении бактерий. Что же делать?

Бактерии принимают решение: любой ценой обратить на себя внимание, попасть под микроскоп, чтобы их заметили, тогда бы спор прекратился. Преодолевая множество препятствий, они долетели до микроскопа и велением судьбы были замечены!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бактерии никогда не расставались, держась за свои жгутики, а Петренко с Лихачевым жили мирно, добиваясь все больше и больше профессиональных успехов. «Любовь - начало и конец нашего существования. Без любви нет жизни. Поэтому-то любовь есть то, перед чем преклоняется мудрый человек» - Конфуций.

Братство, что нерушимо, автоматом Калашникова зовется...

Это было темное и опасное время: минутами, часами и годами правили хаос, разруха и мор. Планета страдала, темнела и стояла на обрыве смерти... Силами четырех стихий на помощь планете Земля было послано братство Надежности и Мощности. Только вместе они могли сокрушить зло.

Но случилось страшное: два брата, что возглавляли братство, задумали отказаться от братьев своих, забыть сестер своих и уйти... уйти и оставить доброе дело, заступив на сторону зла. Братьев тех звали Механизм Возвратный Силович и Магазин Тридцатипатронный Муромский. Вышли они из строя Сильного, что когда-то казался Нерушимым. А на сторону зла переманила их чаровница, не знавшая ни пощады, ни любви, ни дружбы и

звалась она Винтовкой Автоматической, что в Соединенных Штатах рождена была. И братьями нашими не восполнить ряды армии своей хотела, а лишь разрушить их братство мечталось ей, что бы вернуть себе господство зла былое, ибо части нерушимого не смогут сопротивляться нападению ее жестокому...

А братья и сестры тем временем в дорогу за братьями снарядились. У леса густого, дремучего дорогу выпрашивали. Отвечал им лес ветрами сильными, указывал дорогу ветвями гибкими. Долгой дорогой братство шло, много болот и полей прошло, да у реки глубокой остановилось. Не знают, как на тот берег перебраться – река быстра, глубока, непокорна. Стали думать думать. И замолвил Механизм Ударно-спусковой Благославович: «Сестры и братья мои, долгим был наш путь, да пора поворачивать. Поглотит нас пучина водная, не перебраться нам на ту сторону».

В этот миг мгла неба синего, в луче ярком укутавшись, ниспослала Светилу Калашникова на этот кусок земли. Рассказал им Светила Калашников о рождении братства Сильного, как тогда казалось, Непоколебимого и тайну свою открыл: когда Земля была в хаосе, и когда тут царила разруха, он, управляя стихиями, породил их Братство Сильное и отправил на Землю добро творить, соединив их воедино. Но узнали об этом силы подземные, и решили помешать делу доброму, и разобрали вас по частям.

И своею рукою сильною перенес он с берега левого всех на берег правый и добавил, что лишь воедино собравшись, вы зло разберете на части.

И помчались братья и сестры дальше.

А в злодейских руках Винтовки Автоматической были братья Механизм Возвратный Силович и Магазин Тридцатипатронный Муромский. Мучила она их в песках зыбучих и в бочках с водою соленою. Поняли братья ошибку свою, да поздно одумались.

Тем временем братство на помощь спешило, перед собою все преграды крушило и назад не оглядывалось. Ворвались они к Винтовке Автоматической, все пески зыбучие обошли, все бочки соленые опрокинули и братьев своих спасли. И чтобы зло свергнуть, взялись они за руки, и подняла их в воздух сила четырех стихий, и рукою своею сильной собрал их воедино Светило Калашников и направил очередь на Винтовку Автоматическую, и распалась она на части отдельные, и поселился на Земле покой, и не было больше войн.

Возрастная категория: 18 – 21 год

Диплома 1 степени нет

II место:

Сидорова София, 18 лет,

г. Ангарск,

«Броуновское движение»

Напряжение и приятное ожидание, смешанные с радостью, витают в воздухе, заставляя его подрагивать, навевая мысли о миражах и нереальности происходящего. Множество людей переминаются в нерешительности, тихонько о чем-то разговаривая с теми, с кем пришли. Надев свою самую «неформальную» и «рокерскую» одежду, люди стараются показать, что они имеют право тут находиться, что они не «левые», и пришли не зря. Однако, приглядевшись, можно увидеть, кто истинный фанат, а кто - нет.

Тут, внезапно, изнуренная долгим ожиданием толпа, вынуждена раздвинуться. Но, как только недовольный человек оборачивается для того, чтобы высказать теснившему его соседу все, что о нем думает, то тут же «глохнет», потому что перед ним милая девушка в инвалидной коляске,

которую катит перед собой прилично одетый мужчина с неприлично длинными волосами, которые выдают в нем рокера. Доехав до VIP-зоны, коляска остановилась, так как впереди находилась лестница. Мужчина в нерешительности застывает, однако ближайšie к нему люди незамедлительно предлагают свою помощь. За подъемом девушки на коляске никто не замечает, что прожектора уже не светят так ярко, а где-то в центре зала нетерпеливо выкрикивают имена и клички основного состава любимой группы. И вот он, тот самый миг, когда на сцене появляется столь долгожданный солист, а следом за ним и другие участники группы. Зал взрывается криками свистом и аплодисментам. Даже та девушка, на коляске, счастливо улыбается наравне со всеми.

После нескольких песен и неловких извинений за оттоптанные ноги, зал становится одной массой,двигающейся в общем Броуновском движении, пропитанной одной темой. И весь этот организованный бардак неотрывно следит за тем, что происходит на сцене, растворяясь среди дорогих сердцу мелодий, и песен, от которых душа начинает неистово трепетать. Экстаз, охватывающий все твое тело, перехватывает управление, и вот ты уже прыгаешь, срываешь голос и поднимаешь руку с «козой» в приветственном жесте. Вокруг куча людей и у каждого из них в глазах светится такой же огонь, что и у тебя. Ты видишь их в себе и себя в них, читая их мысли и ощущая их чувства...

Открыв глаза, и смахнув с ресниц остатки сна, перевожу взгляд на стену, усеянную плакатами. Нахожу один из них и хриплым спросонья голосом выдавливаю одно слово:

«Сегодня»...

III место:

Авдохин Владимир, 18 лет,

г. Усолье-Сибирское

Перелом

Тёплый уютный вечер, медленно протекающий рядом с камином в кресле-качалке, заставил меня с головой окунуться в нежную атмосферу отдыха.

Я читал, время от времени с наслаждением делая небольшой глоток остывшего шоколада.

Чтение меня успокаивает, спасает от одиночества. Вообще-то одиночество мне нравится, но иногда просто необходима чья-нибудь поддержка. Как правило, это проходит через неделю, а то и вовсе – через день. Надеюсь, что на этот раз будет также, ибо я не хочу заводить новые связи.

Заботиться только о себе проще и надёжнее: чем меньше вокруг тебя людей, тем меньше иуд. Один парень, живший когда-то давно, а может и вовсе не живший, показал это на собственном примере.

Я долго сидел так в тишине пустой квартиры, которую нарушал шелест книжных страниц, разлетающийся по небольшой комнатке и поглощаемый предметами интерьера. Вечер незаметно превратился в ночь. После очередной страницы, неожиданно раздался резкий звон разбивающегося стекла. Я вздрогнул, и в нарастающем страхе назойливыми кусачими комарами стали вторгаться мысли, явно носившие параноидальный характер.

Грабители? Убийцы? Для детской шалости слишком поздно. Часы показывали четырнадцать минут первого ночи.

Страх мой сорвался с цепи. Дыхание стало тяжёлым, сердце бешено заколотилось, кости заныли, а сам я тщетно пытался побороть паралич, сковавший крепкими кандалами. От этого я долго прислушивался и не решался зайти в комнату с разбитым окном. Напряжение немного спало, но страх никуда не делся. Кое-как собравшись с силами, толкнул дверь...

Пол под окном был усыпан битым стеклом. На диване, напротив окна, лежал камень большого размера. Стало ещё страшней. Это не было случайностью, кто-то специально швырнул его в окно.

Несмотря на испуг, я остался дома. Проверив, закрыта ли входная дверь на все замки, мне удалось себя успокоить. Твердо решив, завтра днем уйти отсюда, я наконец заснул.

Утро. Через окно и тонкий тюль игривые лучи света падают на закрытые веки. Всё по правилам идеального воскресного утра, но это несколько не повлияло на моё удручённое состояние. Неприятный привкус ночного происшествия тяготил воображение.

Надо было обдумать и решить, что делать дальше. Я решил не задерживаться здесь ни на минуту, быстрее собрался, закрыл дверь на все замки, молнией сбежал по лестнице, и немного успокоившись, отправился в любимое кафе «Солнечный день».

Сейчас зима, поэтому открытая веранда кафе, на которой располагались столики, была пуста. Оно и понятно, кто захочет морозиться? Правильно, никто. Никто, кроме меня!

Я зашёл внутрь, поздоровался с девушкой за барной стойкой, протирающей тарелки. Элиза, так её звали, делала это, когда ей было скучно, а посетителей, не было. Увидев меня, она приободрилась.

-Привет, солнышко, рада, что хоть кто-то пришёл, а то скука смертная! - ехидно, как только она умеет, улыбнулась мне миниатюрная барменша, которая была хозяйкой кафе.

-Оно и видно, что скучно тебе,- подтрунил я над ней.

-Я просто слежу за чистотой, злюка,- она показала мне язык.

Мы перекинулись ещё парой фраз, я сделал заказ и ушёл на веранду.

В ожидании, я смотрел, как мимо веранды сновали машины, водители которых были управляемы неизвестно чем. Люди, всегда торопятся: куда-то добраться, что-то сделать, они любят и ненавидят. Среди них есть умные и глупые, движимые и те, кто ими движет.

Кто такой человек? Что такое человек? Зачем он? Абстрактное мышление, вот что в людях, прекрасно. Даже жаль, что самое прекрасное из того, что было создано природой, человек использует для создания уродства. В противовес созиданию, искусству, художеству человек изобретает оружие - средство бессмысленного уродливого уничтожения.

Из собственных мыслей я был вырван нежным голосом хозяйки.

- Кир, твой заказ готов. Я поставила его на столик около окна. Не стоит мёрзнуть,- в голосе Элизы слышались нотки заботы и беспокойства.

-За меня переживаешь, котёнок? - в ответ широко улыбнулся я.

- Ой! - она засмущалась и в присущей ей манере ойкнула, особо подчеркнув при этом гласную «о».

- Извини, ты, когда смущаешься, так забавно глаза щуришь и ойкаешь, вот я и не удержался.

Мы зашли внутрь кафе. Элиза перевернула табличку «Открыто», на сторону с надписью - «Закрито» и присела со мной за столик.

Я начал трапезу, откусив небольшой кусочек пирожного и запивая чудесным латте с ванилью.

- Вижу, твои вкусы не изменились, - вздохнув сказала она, глядя на меня.

-Как видишь, - сказал я, и откусил второй кусочек.

- Ты до сих пор не можешь забыть её?

-Мне всё равно, что с ней стало после того, что она сделала,- жестко отрезал я.

- Может и так, но тебе всё ещё больно.

-Ошибаешься. И вообще, это мне следует о тебе переживать, всё-таки Анна была твоей сестрой.

- А ты любил её. Нам обоим досталось, не забывай об этом. Ты не болен? Кир, ты точно не в порядке.

Элиза заботится обо мне понемногу с тех пор, как исчезла её сестра Анна. Никто из нашего окружения не знает о ней уже более двух лет. Она ушла, оставив записку, в которой просила оставить ее в покое и не искать.

-Вчера кто-то кинул камень в окно моей квартиры. Боюсь, это было не простое хулиганство.

-Ужас! Тебе нужно обратиться в полицию.

- Может ты и права, но не хочу больше говорить об этом,- сказал я, откинувшись на спинку кресла.

-Ты беспечен, и это мне нравится,- улыбка вернулась на лицо Элизы.

-Вот и хорошо, что нравится, - подмигнул я. А как насчёт того, чтобы стать соседями?

-Только, чур, в душе не подглядывать.

-Ничего не могу обещать,- шутливо ответил я на поставленное условие.

Мы ещё поговорили, решив, что я перееду к Элизе, и я отправился к себе, собрать и упаковать необходимое для переезда. Не хотелось возвращаться в дом, ставшим чужим и опасным, но пришлось это сделать.

По дороге от кафе мне показалось, что кто-то за мной следит. Ощущение чужого враждебного взгляда за спиной вызывало неприятные чувства. Невольно ускорив шаг, я чуть не упал, споткнувшись о камень на дороге, и едва устояв на ногах, остановился и, сделав несколько глубоких вдохов, пришёл в норму.

В подъезд своего дома я входил с мыслями о том, показалось, или за мной действительно кто-то следил? Паранойя или всё же бдительность заставила меня почувствовать тот взгляд на затылке?

Хорошо, что Элиза решила приютить на время. Мысль об этом успокаивала.

Я быстро собрал и упаковал вещи в удобный походный рюкзак. Тишина пугала и давила. Поскорее нацепив рюкзак на спину поверх пальто, поспешил закрыть дверь и ушел от этого злосчастного места.

К кафе «Солнечный день» я пошёл другим, более длинным путём. Может не стоило потакать своей паранойе, но были моменты, когда эта самая паранойя выручала из неприятных ситуаций, благодаря ей я всё ещё жив.

Открыв дверь кафе, я окунулся в атмосферу дружелюбия и уюта, несколько столиков были заняты.

Неожиданно раздавшийся звон «ловца ветра», висящего над дверью кафе, напомнил о разбитом стекле и полетел по залу, оповещая о приходе посетителей.

-Когда ты успела повесить это? - спросил я у Элизы испуганно.

-Очевидно же, глупенький. Пока ты за своим рюкзаком ходил,- ехидно ответила она, взглядом указав на мою спину с ношей.

- Уж не для того ли, чтобы лишний раз подремать на складе? - подтрунил я.

-Фу ты!

- Ну так...Уговор в силе? - настороженно спросил я.

-Конечно, - успокоила девушка, положив свою маленькую руку поверх моих сложенных вместе на барной стойке кистей рук.

-Я могу только тебе доверять,- наконец-то успокоившись шепнул я, присев в самом укромном и темном углу кафе на маленький удобный диванчик. Здесь за столиком на двух человек, меня почти и не видно.

В этом уютном уголке я сидел, наслаждаясь теплом и интересным сюжетом книги. Время проходит быстрее, если чем-то заниматься, я решил почитать. Мне нравилось читать о новых мирах, приключениях, что ждут героя очередного фантастического романа. Часто отождествлял себя с главными героями историй. Мне нравится смотреть, слушать, читать о пути, совершаемом этими героями, узнавать, что они делали и что с ними приключилось. Я наслаждался тем, как они становились всё сильнее, защищали других, искали правду. Путешествия по неизведанному, а вместе с тем сражения с негодями. Любил читать о том, как люди выпутывались из разных передряг и просто веселились. Возможно это из-за того, что в реальном мире мне скучно, я сам слаб, а может, есть и иные причины.

Вскоре захотелось пить, во рту пересохло, и я заказал у Элизы три чашки ванильного латте, чтобы не отвлекать её лишним раз.

В ожидании заказа я решил немного прогуляться, подышать свежим прохладным воздухом, пройти вдоль серых, с покрытыми снегом крышами домов, и обратно.

На улице стало прохладнее, пошёл снег. Я натянул ворот свитера повыше, поёжился и пошёл неспешным шагом.

Мимо проходили люди. Некоторые из них спешили домой, туда, где тепло, другие, напротив, шли из дома, возможно, в магазин. Играли дети, катались с горки. Меня заинтересовал человек, раздающий буклеты с изображением национального парка.

Интересно. Зелёные сосны, чьи лохматые ветви покрыты снегом, словно белыми пушистыми шапками. Заснеженные холмы, заледеневшая река, по обе стороны которой растут деревья, а сам ты стоишь выше этих самых деревьев и смотришь вниз. Может стоит съездить? Хороший повод выпросить у Элизы старую зимнюю палатку, всё равно она бесполезно пылится у неё в чулане.

Я поспешил вернуться в тёплый зал кафе, заказ мой был готов.

- Насколько я помню, у тебя есть походная палатка с печкой, не одолжишь мне? - спросил я, наслаждаясь свежеприготовленным Латте.

- А тебе зачем, солнышко?

- Хочу съездить на природу, в национальный парк. Что думаешь об этом?

- Хочешь развеяться? А я думала, что тебе не нравятся такие путешествия. Это больше похоже на Анну.

- Не будем о ней...Ну, так что насчёт палатки?
- Хорошо, но только с одним условием,- твёрдо сказала Элиза.
- Всё, что тебе угодно,- сказал я немного взволнованно.
- Поехали вместе.
- Ты поедешь со мной? - обрадовался я.
- Да.

Мы улыбнулись друг другу.

Два дня мы ехали в автобусе, рассказывали разные истории, обсуждали книги. Время шло незаметно, нам было хорошо. Ещё один день шли пешком, огибая скалы вдоль реки, покрытой толстым слоем льда.

Наконец мы поднялись на вершину высокого холма и огляделись вокруг. Внизу были видны заснеженные верхушки сосен, вплотную прижавшиеся к извилистому, как змея, берегу. От такой красоты перехватило дыхание.

-Это так восхитительно, солнышко, ты был прав, когда решил отправиться именно сюда! - с восхищением прошептала Элиза.

-В книге, которую я сейчас читаю, моя любимая сцена, в которой герой взбирается на вершину, подобную этой. Знаешь, возможно именно к этому моменту я шёл всю жизнь. И сейчас уже всё равно, что за камень разбил моё окно. Почему и зачем? Не важно,- я посмотрел в глаза Элизе,- благодарю тебя, я так рад, что ты здесь,- я не выдержал и обнял девушку. Она не сопротивлялась, напротив, прижалась ко мне. Мы простояли так долго...

...Мы разбили лагерь, поставили палатку, развели костёр, приготовили суп. Нам было хорошо, как никогда в окружении исполинских сосен, которые встали в круг, словно собираясь водить хоровод. В центре, под лысыми ветками старого дуба стояла наша палатка...

Здесь, на природе, я почувствовал, что очистился от пустого и ненужного, что глодало меня с давних пор.

Приз жюри:

Прадедова Анастасия, 17 лет,

г. Ангарск,

Путешествие Евгения Онегина

Фанфик

Глава 1.

Час пик. За окном ежеминутно раздаются пугающие гудки проезжающих машин и людской гомон. Маша подошла к окну и раздраженно его захлопнула. "Никакого покоя нет. Книгу почитать спокойно нельзя. Вот благодать была во времена Онегина! Ни тебе заводов, ни машин дурацких, сидишь в беседке, чай попиваешь да книги читаешь. Эх!". Маша взмахнула руками, вернулась на диван и продолжила читать "Евгения Онегина". Ей было так интересно, что она пропустила даже обед. Вот они, последние страницы романа, непонятая любовь и несчастный Онегин с неизвестной дальнейшей судьбой. Маша закрыла книгу, смахнула девичьи слёзы и поставила роман на полку.

-Вот это да! Интересно, а что было бы, если бы он побывал в нашем мире?- она на секунду загорелась этой идеей, но быстро поникла, - К сожалению, это невозможно...

Маша поправила покрывало на диване и направилась к двери. Как вдруг в шкафу что-то ужасно зашумело. Маша с испугу упала на пол и стала судорожно искать хоть какое-нибудь средство обороны. Спустя мгновение из шкафа вывалился молодой человек в чёрном, как смоль, фраке, в начищенных до блеска туфлях, а на голове у него красовался чёрный цилиндр. Маша закричала что есть силы и упёрлась спиной в дверь, молодой человек закричал ещё громче, попятился назад и ударился головой об шкаф. Когда им надоело кричать, Маша взяла всю свою волю в кулак, а также швабру, которую она нащупала в углу комнаты, и дрожащим голосом начала допрос:

- Кто вы такой? Как вы оказались в моем шкафу? Вы за мной следили?! Ах вы, маньяк несчастный! Я полицию сейчас вызову! - Маша угрожающе махала перед его носом шваброй.

- Как вы смеете кидать в мой адрес столь нелюбезные слова? Если бы вы не были прекрасной девушкой, я вызвал бы вас на дуэль!- молодой человек грозно топнул ногой,- а теперь позвольте представиться - Евгений Онегин. Родом я из прекрасного города на Неве. Могу свободно изъясняться на французском языке. - Евгений учтиво поклонился.

На Маше не было лица. Тот самый Онегин. "Не может быть!" - эта мысль, не переставая, носилась в её голове. Она несколько раз обошла вокруг Евгения, недоверчиво оглядывая его с ног до головы. В то время как сам Евгений удивленно осматривал место своего "падения". За окном что-то пугающе гудело, а над диваном что-то светило, так ярко, словно там частица солнца затаилась.

- Вот это диво! – вымолвил Онегин, в недоумении качая головой.

- Вот чума! – протяжно выговорила Маша.

- Чума? – Евгения это слово не очень порадовало. – Надо срочно принять меры предосторожности! – он стал заметно суетиться. – Слуги! Что ж вы ничего не делаете!

Из другой комнаты слышались шаги. Дверь в комнату Маши открылась:

- Мария, что у тебя здесь происходит? – спросила мама.

- Помогите! Чума!- Евгений рванулся к выходу, но Маша его остановила.

- Ничего, мам. Мы сценку репетируем.

- А, ну хорошо, не буду вам мешать, – мама закрыла дверь и ушла.

- Мы все умрём! Какое право вы имеете меня здесь держать! Я буду кричать! – не переставал суетиться Онегин.

- Прошу вас, успокойтесь. Это просто слово. Сленг такой. Понимаете?

- Что? Это язык какой-то новой страны?

- Ну, почти. Евгений, как вы здесь очутились? – успокаивающим тоном выясняла Маша.

- Сам не представляю. Я сел в карету, она тронулась. А когда собирался выходить, дверь открылась, и я очутился здесь. Где я?

- Ничего себе!- Маша прикрыла рукой открывшийся от удивления рот.- Евгений, вы в будущем.

Он схватился за сердце и начал падать, но Маша вовремя подставила ему стул.

- Спокойствие, только спокойствие. Все хорошо. Я понимаю, что для вас это нереально. Впрочем, как и для меня. Пойдемте я вас чаем напою, – она протянула руку Евгению, и они медленно направились на кухню.

Онегин чувствовал себя, мягко говоря, неудобно. Из комнаты доносились какие-то голоса, на стенах висели непонятные штуки. Придя на кухню, Маша взяла со стола чайник, налила воды, поставила обратно и включила.

Чайник начал закипать. Евгений побледнел и заворожёно смотрел на это чудо. Чайник был прозрачный и подсвечивался красным светом. Вода оживала и бурлила. Огромные пузыри танцевали за прозрачным стеклом. Онегин не отводя глаз, прошептал:

- Колдовство! Какой дивный кувшин! – продолжал удивляться и осматривать кувшин со всех сторон.

Чайник вскипел и громко щёлкнул, выключаясь. От неожиданности Евгений прижался к спинке стула. Маша залилась задорным, громким смехом.

- Пойду, позову слуг. Я слышал, они в той комнате развлекаются, – сказал Евгений, поправил свой наряд и гордым шагом направился к комнате, в которой болтал телевизор. Маша на цыпочках направилась за ним.

- Лентяи! А ну, бегом на кухню, барин чай хочет, – сказал Евгений, открывая дверь в комнату. Но никого не обнаружив, он кинул взгляд на коробку, в которой бегали маленькие человечки. Подошел к ней, наклонился, и, стуча по телевизору, грозным голосом заговорил:

- Ну-ка! Выбирайтесь из этой коробки! Как вы туда попали! Совсем страх потеряли!- продолжал стучать по телевизору Евгений.

Маша захохотала, и чтоб не упасть схватилась за дверной проём.

- Я не вижу здесь ничего смешного! Их нужно наказать! – вполне серьёзно сказал Онегин.

Маша еще больше засмеялась. Немного погодя, она успокоилась и начала объяснять:

- Поймите же вы - это будущее. У нас нет слуг, мы сами себя обслуживаем. А это телевизор - наш способ развлечься и отдохнуть. Чай стынет, пойдемте на кухню.

Глава 2.

- Вы чай, с чем будете? Со сливками или с лимоном? – разливая чай по кружкам, поинтересовалась Маша.

- С... Со сливками... - приходя в себя, пробормотал Евгений.

- Хорошо, - Маша улыбнулась и достала сливки из холодильника.

- А что это такое? – Онегин взглядом указал на холодильник.

- Ах, это. Это холодильник. В нем мы храним продукты, как скоропортящиеся, так и продукты долгого хранения.

- Холод... - Евгений тяжело вздохнул и отпил из кружки горячий чай. – Я правильно понял? Вас Марией звать?

- Нет, Наташей! – и она расхохоталась.

Евгений, поняв, что сказал глупость, тоже засмеялся.

- Скажите, а мне еще много сегодня предстоит потрясений?

- Ну не знаю... Скорее всего много... - сказала Маша, оглядываясь вокруг. – Ой! А что ж мы чай пустой пьем!- она подорвалась с места и достала из шкафа печенье и конфеты.

- Ах, какое прекрасное печенье!- восхищался Евгений.

- А то! Вы еще конфеты не пробовали.

- Конфеты? Изумительно!

После чаепития Маша собрала посуду и сложила в посудомоечную машину.

- Грязную посуду в шкаф? Как так можно?- удивлялся Евгений.

- Это посудомоечная машина. У вас этим занимались слуги, а у нас машины. И стирают машины, и убирают, даже готовить могут, - сказала Маша. - Хм... Что же вам ещё показать?

- Давайте лучше поговорим. Моя голова с трудом верит во всё это, - предложил Евгений.

Онегин поведал о своей жизни, а Маша радостно поддакивала, вспоминая страницы романа. Потом Маша, пользуясь школьными знаниями, рассказала Евгению про эволюцию мира.

- Извините, я сегодня очень утомился, где будет мое ложе?

- А, ложе... Я вам сейчас постелю.

Маша направилась комнату.

- Я вам там постелила. Можете идти, - сказала Маша, вернувшись на кухню.

- Благодарю! – Евгений поцеловал ей руку, и она проводила его до комнаты.

- Доброй ночи, Евгений Онегин... - до сих пор не веря, что пред ней именно он, пожелала Маша.

- Доброй ночи, Мария, - ответил Онегин.

Глава 3.

Наступило утро. Маша впервые проснулась почти вместе с солнышком. «Что-то я сегодня рано», – подумала про себя она, и решила заглянуть к неожиданному гостю. «Не приснилось. А может это все еще сон? Просто очень длинный?», и ущипнула себя за руку. «Ай! Не сон», закрыв дверь в спальню Евгения, Маша подумала, что надо бы одеться хоть чуть-чуть под стать своему необычному гостю. Раскрыв шифоньер, она остановила свой выбор на длинной цветистой юбке и лёгкой фисташковой блузе с рукавами фонариком. Нарядившись, она пошла готовить завтрак.

-Мария! Утро доброе! А не подскажете где у вас умывальня? –спросил, неслышно появившийся в коридоре перед кухней, Онегин.

- Доброе, дверь справа от вас.

- Спасибо, - и он, улыбаясь, направился в ванную.

Маша принялась готовить яичницу и варить себе какао. Из ванной вышел счастливый Евгений:

- Ну и чудеса! Повернул и вода пошла! И горячая и холодная. А так бы дома ждал, пока слуги воды для барина нагреют. Чудеса, да и только!

- А вы как хотели? Двадцать первый век на дворе. Вам чай или какао?

- Какао? Нет, пожалуй, я чаем обойдусь.
- Хорошо, сейчас заварю, а пока ешьте яичницу, – жестом пригласила к столу Маша.
- Ах, как бы домой вернуться? – задумался Евгений.
- Может, попробуем снова в шкаф?
- Верно, верно! – нервно подскочил Евгений.
- Давайте сначала позавтракаем? На пустой желудок делать ничего не охота, – остановила гостя Маша.
- И то верно! – и Онегин принялся за завтрак. Проглотив его за минуту, Онегин подхватился и побежал на место своего «падения». Маша не попевала за ним.

Зайдя в комнату, она увидела, как Евгений ныряет в шкаф, судорожно закрывает двери, сидит секунды две и выпрыгивает. Так повторилось несколько раз. Выбившись из сил, Евгений огорченно сел на пол и запустил пальцы в свои черные волосы.

- Не выходит. Ничего не выходит. Мне никогда не вернуться домой... - подытожил Евгений и вытер со лба пот.
- М-да... Не хотите погулять? Сегодня на удивление хорошая погода, – предложила Маша.
- С вами хоть на край земли, Мария!

Евгений поначалу пугался этих оглушающих гудков машин, но видя, что девушка даже не вздрагивает, как мог, подавлял в себе боязнь.

Они гуляли долго, обошли несколько парков и полгорода вдоль и поперек, беседовали обо всем что можно, и устав, пошли домой.

- Почему машины стали ехать назад? – заметил Евгений.
- Что? – Маша, не поверив своим глазам, начала их тереть, но безрезультатно.

Действительно. Машины стали двигаться назад быстрее и быстрее. Деревья уменьшались. Этот круговорот набрал скорость, все слилось в непонятную массу. Яркий свет, режущий глаза, и Маша с Евгением потеряли сознание.

Глава 4.

Щебетание лесных птиц, похожее на феерическую симфонию, которой позавидовал бы любой композитор. Чистый и свежий воздух хочется вдыхать и вдыхать бесконечно. А трава, трава-то какая мягкая и душистая...

- Что произошло? – недоумевала Маша и ощупывая себя, искала полученные травмы и ссадины.

Евгений встал, трепетно поправил свой цилиндр и отряхнулся от травинок.

- Вот это да! – он оглянулся по сторонам. – Дом... Милый дом! Ах, самый родной воздух, - он глубоко вздохнул. - Травинушка, моя кровинушка! Цветок, аромат твой мне так сладок! Я дома! Дома! – и радостный Евгений принялся обнимать Машу.

- Как много цветов! Аж в глазах рябит! – восхищалась Маша.

Евгений исчез из виду. Маша испугалась, и, оглядываясь по сторонам, тихонько позвала:

- Евгений... Евгений...

Он выскочил из-за её спины с букетом разноцветных полевых цветов.

- Ах! – Маша прикрыла руками зарумянившиеся щёки, - Это мне?

- Для Вас и только для Вас! – Онегин поцеловал ей руку и вручил букет.

Они шли молча, наслаждаясь окружающей природой.

Белка скакала по деревьям, орел витал в облаках. Бурундуки то и дело перебежали им дорогу. А в траве стрекотали кузнечики, да так громко, что казалось, они сидят у тебя на плече. Птицы поют, бабочки летают. Благодать, да и только.

Вот и дом Онегина. Евгений зашел в дом, его увидела пожилая служанка. Она ахнула и рухнула без чувств на пол. На грохот прибежала вся прислуга.

- Ах, барин! Евгений Александрович! Живой! Ах! – слышались голоса из толпы.

- Свят, свят, свят! Живой! Батюшки! – бормотала старушка, придя в себя.

- Добрый день всем! Похоронить меня вздумали? А нет, вот я, - светясь добродушной улыбкой, сказал Евгений.- Подайте нам обед и пришлите мне швей. Пройдёмте, Мария, я покажу вам дом.

Да, дом у Евгения большой. Никак не сравнится с Машиной трёхкомнатной квартирой. Одна обеденная как ее комната, кухня и ванная вместе взятые, а то и больше. Окна выходят в дивный сад, от которого так и веет романтикой. Закончив экскурсию, герои направились в кабинет Евгения.

- Ох, сколько писем, - едва открыв дверь, заметил он. – Присаживайтесь на диван, Мария.

- Благодарю, - Маша ласково улыбнулась и села на диван.

- Это не то, не то. Мм... нет,- бубнил себе под нос Онегин, отбрасывая письма. – Вот это интересно. Завтра бал у графа Никольского. Вы не против со мной сходить?

- Я? Я ж ничего не умею, да и одежды у меня нет подходящей,- заикалась Маша.

- С платьем проблем не будет. Да где же эти швеи? Швеи! – раздраженно звал Евгений. – А что на счет умений, там уметь-то особо ничего и не надо. С вами приятно беседовать, и этого достаточно. О! А вот и швеи. Мне нужно сшить платье на эту особу, и сделать его нужно до завтрашнего вечера.

Швеи молча начали снимать мерки с Маши. Она не успела опомниться, как швеи убежали. Следом прибежал мальчишка и позвал обедать.

На обед им подали наваристый борщ со шкварками, румяную картошечку с золотистой и ароматной рыбой. Пообедав, Евгений показал Маше ее комнату. Огромная кровать, камин, трюмо и повсюду свечи. Всё так, как и представляла Маша.

- Вы, наверное, сейчас хотите отдохнуть. Пожалуйста, эта теперь ваша комната. А завтра я научу вас танцевать. Приятного отдыха.

- Спасибо большое, - сказала Маша и сделала что-то наподобие реверанса.

- Почти получается, - подметил Онегин и вышел.

Маша плюхнулась на огромную кровать и тут же уснула.

Глава 5.

Маша опять проснулась непривычно рано, вместе с криком задорного петуха и кое-как, потихоньку слезла с громадной кровати. С трудом заправила постель: обошла её со всех сторон, но ей все равно пришлось запрыгнуть на кровать и скакать, чтобы застелить это ложе. «Вот и утренняя зарядка. Как же ее заправляют? Ах, да, слуги. Ну конечно, вдвоем с разных сторон, раз и готово!», рассуждала Маша, спускаясь в обеденную.

- Барышня! Доброе утро Мария... Ох, простите, как вас по батюшке? – спросила пожилая служанка.

- Доброе утро! Да не важно, зовите меня просто Маша.

- Но как же... Хорошо, Мария. Завтрак вам сейчас подавать? Аль попозже?

- Я, наверное, лучше подожду Евгения. Завтракать без хозяина как-то не прилично, - улыбаясь, ответила Маша.

- Как хотите, но барин у нас любит долго поспать, – служанка перешла на шепот.- Ой, барышня, а вы нам не поведаете, где же был Евгений? – шептала, озираясь по сторонам старушка.

Маша задумалась. Правду ведь не скажешь, не правильно поймут. Спустя минуту раздумий, она ответила:

- Евгений гостил у меня в усадьбе.

- Ах, вы успокоили мои тревоги. Я уж чего только не надумала... Просто он так внезапно исчез из кареты.

- Доброе, доброе утро! – потягиваясь и зевая, по лестнице спускался Евгений. – Ах, Мария! Как вам спалось?

- Ах, Евгений! – передразнила Маша. – Спалось мне замечательно. Свежий воздух действует как снотворное!

- Барин! Чай завтрак готов уже. Пройдемте.

- Да, да, спасибо. А платье для Марии уже сшито?

- Ох, конечно, барин! – кряхтела служанка.

- Вот и хорошо. Вели в умывальню воды принести. Мария, я забыл вам вчера умывальню показать. Пойдемте.

Он схватил Машу за руку и потащил в умывальню. Роскошные умывальники, огромная ванна и зеркала в багетных рамах. Слуги налили воды и Маша умылась, потом расчесала ужасно лохматые волосы и заплела косу. Евгений тоже умылся, и они вместе пошли завтракать. Завтрак можно по праву назвать английским: каша с маслом, варенье на любой вкус, свежий и ароматный хлеб с домашними сливками. Позавтракав, Онегин предложил Маше пойти и примерить платье. Зайдя в свои покои, Маша увидела прекрасное, расшитое драгоценными и полудрагоценными камнями дивное платье. Такое пышное, что будто под подолом спряталось несколько человек. Маша хотела сама его надеть, но ей не дали к нему даже прикоснуться. Нарядив, слуги помогли ей обуть туфли, быстро сделали прическу и повели к Евгению в кабинет. В коридоре висело большое зеркало, и Маша покрутилась перед ним. «М-да, принцесса! Любая девушка позавидует!», и действительно, надо было видеть лица этих служанок, они не сводили с Маши глаз. И мальчишка, который нёс Евгению письма, чуть шею не свернул. «Что же будет с Евгением, если мальчишка восхищается мной?», – хитро улыбаясь, думала Маша. Одна из служанок постучалась в дверь и попросила разрешения войти. Услышав: «Войдите», – служанки распахнули двери, и Мария, представив, что она самая настоящая принцесса, словно лебедь, поплыла по ковру в кабинет Евгения. Онегина сразила красота Маши, он манерно подошел к ней и поцеловал руку:

- Кто вы, прекрасная барышня? – хитро спросил Евгений.

- Принцесса Мария, - и она плавно и правильно сделала реверанс. Видимо наряд заставил делать реверанс легко и грациозно.

- Свободны! – махнул Онегин служанкам рукой.

- Спасибо огромное! – крикнула им вслед Мария.

- А теперь пройдемте в залу, я научу вас танцевать.

Евгений подал ей руку, и они царской походкой направились в залу. Маша схватывала все движения на лету. Спустя час, она кружились по каменному полу так, словно родилась в этом мире и танцевала с детства.

- Теперь моя очередь звать вас гулять. Я велел приготовить вам еще одно платье для прогулки.

- Я с удовольствием погуляю по вашему прекрасному саду, - улыбнулась Маша.

- Я буду ждать Вас здесь, - сказал Евгений, провожая долгим восхищённым взглядом Марию.

В комнате Машу ждало ещё одно платье, великолепное и без самоцветов. На этот раз ей никто не помогал, и Маша была рада. Она вдоволь могла насмотреться на платье, прощупать каждую складочку и не спеша надеть его. Она выбежала в коридор, покрутилась перед зеркалом и побежала, полетела вниз. Но увидев парня, стала медленно, словно кошка, спускаться по лестнице.

Онегин ждал её на террасе. Болтая словно давние приятели, они направились в сад. Вишневые деревья сплелись друг с другом, образуя арку, на которой висели манящие своей сладостью плоды. Сразу за вишневой аркой появились стены из роз. Белые, красные, лиловые, казалось, что они вобрали в себя все краски мира. Пройдя аллею роз, они дошли до зверинца. В клетках сидели самые милейшие создания: кролики. Они прыгали, резвились, забавно шевелили носами, усами, обнюхивая Машину ладонь. Маша долго с умилением наблюдала за ними.

В грушевом саду Маша и Евгений присели на лавочку, и молодой человек восемнадцатого века раскрыл девушке из двадцать первого века некоторые тонкости бального этикета.

Глава 6 .

Вечером Маша преобразилась настолько, что сама себя не узнала в отражении зеркала. Ей сделали кудри, убрали пряди с лица и закололи их на затылке красивой и тяжелой заколкой с такими же драгоценными камнями, какими украшено платье. Там, в своём мире, Маша почему-то часто мечтала попасть на бал пушкинской эпохи, не раз представляла себя в пышном длинном платье, с причёской, как у Татьяны Лариной, но то, что она видела в зеркале, превосходило всё её богатое воображение. А рядом стоял сам Евгений Онегин, холёный, утончённый франт! Мистика!

У Никольского, едва они ступили на первую ступеньку широкой, с блестящими перилами и резными балясинами, лестницу, взоры всех присутствующих устремились на них: Евгений вёл незнакомую красавицу и светился от гордости за неё. Даже завидный жених России и Франции остался без внимания девушек: все восхищались Евгением. А Мария чувствовала себя неуютно из-за столь пристального внимания к себе мужской половины бала.

Праздник начался. Музыка заиграла, и вся зала стала танцевать. Первый танец Мария танцевала с Евгением, ей казалось, что язычки свечного пламени тоже кружились и танцевали вместе с ними. Вечер пролетел незаметно. Евгений и Маша понимали, что их тянет друг к другу и понимали, что это абсурд.

Глава 7.

Счастливые и уставшие влюбленные вернулись домой. Евгений поблагодарил Марию за прекрасный вечер, и они разошлись по своим спальням. Маша долго не могла уснуть, она была в смятении. Читая роман, она сочувствовала Евгению, а теперь сама влюбилась в него.

Евгений тоже не спал. Он вспоминал свою первую встречу с Машей. Как неожиданно вывалился из её шкафа, как она угрожала ему шваброй, и как трусливо себя вел. Вспоминая это, он покраснел, ему стало стыдно за свое поведение. Он тут же вспомнил прогулку по саду, вечер, проведенный у графа Никольского, вспомнил всё до мельчайших подробностей, и ещё больше покраснел. Сердце у него забилось быстрее. «Что же это со мной происходит?» – ворочаясь на кипенно-белых простынях, с вышитыми шелковыми нитями белыми лебедями, думал Евгений, – Что же дальше будет? До сих пор не верю, что такое могло случиться – путешествие во времени. А друг она так же, как я, каким-то образом вернётся в своё время? Я не смогу жить без неё, я тут же умру».

... Машу разбудил яркий свет. Было ощущение, что кто-то с помощью зеркала пускает солнечных зайчиков. Она сразу же подумала на Евгения и открыла глаза. Нет. Она лежала в своей кровати, в своей комнате, у себя дома. Это стёкла окна, распахнутого ветром, пускали солнечных зайчиков. Маша встала, в надежде подошла к шкафу, открыла его.... «Ни-ко-го...», - огорченно вздохнула она. Разочарованная, полусонная пошла на кухню. В

коридоре наткнулась на стену, подняла глаза... На афишке неизвестной группы крайний справа улыбался Евгений в современных драных джинсах, красной футболке с надписью: «Маша, я люблю тебя!».

Номинация «Поэзия»

Возрастная категория: 12-14 лет

I место:

Белик Мария, 12 лет,

г.Ангарск

МОЯ СИБИРЬ

Со времени уйгуров и Кидани,
Величественный плещется Байкал.
Леса стоят высокими стенами,
Где скачет белка, соболь, горностай.
Нет прекрасней и роднее места
И куда бы не поехал ты,
Возвращаешься домой, где твоё сердце,
Где сбываются твои мечты.
Что сказать о славном нашем крае,
Зародившимся в далекие года?
Казаки прослышав о Байкале,
Покорять приехали леса.
Первые остроги поднимали,
Набирая силы у тайги,
Золото, железо отыскиали

И свою культуру сберегли.
Обозы шли с пушниной и дарами
Сибири славной Государю вдаль.
Богатела русская Держава,
Ближе был неведомый ей край.
Сюда сослали позже декабристов,
Но не сломала их Сибирь тогда,
А приняла с горячим, добрым сердцем
Как русская открытая душа.
Они ж ей дали мысли о свободе-
Муханов, Лунин, Якубович, Трубецкой,
Здесь помыслы их были о народе,
Быть может, и о нас с тобой.
Иркутская губерния, ты крепла
И проложила путь нам на Восток.
Под управлением графа Муравьёва
Далёкий край уж не был так далёк.
Сменилась власть, и брат пошел на брата,
И много крови видела страна.
А в сорок первом и по сорок пятый
Вдруг прогремела новая война.
И все пошли собой закрыть Отчизну,
Свой дом, жену, детей, отца и мать.
Был крепок сибиряк и воином был от бога,
И не входило в планы умирать.
Иркутск же принял множество заводов,

А школы - под госпиталя отдал.
Все сутки напролет шли эшелоны,
И каждый день победу приближал...
Она пришла весной, и весть благая вмиг разнеслась
И слезы на глазах, всяк утирал,
А сердце отбивало
Ритм новой жизни, где событий шквал.
Перед глазами пронеслись столетия-
История Иркутской стороны.
Как встарь Байкал могучий волны плещет,
Их разбивая в жемчуг брызг об валуны.
А я стою и думаю: Что завтра и что сегодня сделать мы могли,
Чтоб процветал наш край
И в будущем потомки
нашей историей,
как мы, были горды.

Сороковикова Софья, 14 лет,

г. Ангарск,

Позволишь, быть может, любить тебя?
И звезды жадно собирать в ладони.
Рассыпать их небрежно в своем доме,
На яркие пылинки свет дробя.

Вселяя в строки шумных слов пучину,
Писать стихи ночами напролет.
Надеясь, будто сон еще придет,
Сжигать ненужных слов лучину.

Насильно заключать деревьев шум
И собирать отцветших мыслей солод
Моих объятий леденящий холод,
Где запах благ дурманит ясный ум.

Не все ль равно на тьму душевных споров?
Позволь, мой друг, позволь любить тебя!
Пусть в будущем сгорю бесследно я,
Но хоть сейчас предамся счастью взоров.

II место:

Баранова Елизавета, 12 лет,

п. Орджоникидзе, Красноярский край

Маленький герой большой войны

Трудно поверить? Но это было.
Мне одиннадцать лет.
Утром однажды сирена завывала –
Играм детским – конец.
Маму соседской Танюшки казнили
Фашистской железной рукой.
У тех, кто убит, нет даже могилы.
Как вам рассказ такой?
Я вам не трус! Я сидеть не буду
Ни у кого за спиной!
Да. Мне одиннадцать,
Но я добуду
План фашистский любой!
Братцы! Возьмите в отряд партизаном!

И понеслись дела.
Я отомстил за Танькину маму,
Что мне как родная была.
Вот окруженье. Кольцо сомкнулось.
Идите! Я их задержу!
-Ближе, изверги, подходите!
А сам гранату держу.
Я своей смертью победу приближу!
Не жалко и жизнь отдать!
Плакать не смейте по мне, слышите!
Не страшно мне умирать!

А вы живите! За нас живите!
Им, фашистам, назло!
Радуйтесь миру и хлеб растите,
Вам ведь так повезло!

Ясное небо. Солнце светит.
Росою блестит рассвет.
Трудно поверить. Но это было.
Ему было...одиннадцать лет.

III место:

Водяная Екатерина, 12 лет,

г. Черемхово

ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ – СУДЬБА ТЫ МОЯ!

Иркутская область – судьба ты моя, мы вместе с тобою навеки.
В Сибири родной родилась и живу, счастливым слышу человеком.
Из сотни больших городов состоит, есть маленькие деревеньки,
В одном из таких городов я живу, рожден этот город давненько.
Иркутская область – богатый наш край, тебя разве кто-то не знает?
А мой Черемхово мне самый родной. Пусть здравствует и процветает.
Живу в Черемхово, я здесь родилась. Горжусь я его красотой.
Здесь люди живут с непростою судьбой. А разве бывают с простою?
В далекие годы той страшной войны, в холодные земли Сибири
Вагоны везли неповинных сюда, литовцев, украинцев, башкиров.
Они обживались, учились здесь жить, делились своею культурой.
Сумели прижиться средь наших людей с суровой сибирской натурой.
Немало талантов, что знает весь мир, здесь Гуркин, Вампилов бывали.
Они в Черемхово родном родились и город свой не забывали.
А уголь, что есть в Черемховской земле, известен, пожалуй, повсюду.
Красивый мой город, родной мне навек. Тебя никогда не забуду.
Здесь много черемухи, много цветов, и речка бежит Черемшанка.
Зимой много снега и лучший наряд – валенки, шапка-ушанка.
Растет и цветет Черемхово родной, становится краше, светлее.
Иркутская область, богатый наш край, Но города нету милее.

Возрастная категория: 15-17 лет

І место:

Сахарчук Полина, 17 лет,

г. Ангарск

Аршанские мечты

О, дайте, дайте мне Тункинкой надышаться,
Вдохнуть сей дух и опьянеть слегка,
Красой природы бесконечно любоваться,
И где-то в сердце сохранить всё на века.
Позвольте мне в Тункинке раствориться
И стать частичкой этих дивных мест,
В листочек, камень, зверя обратиться,
И ими долго быть, пока не надоест.
А надоест, орлом ворваться в небо,
Да на Мунку - Сардык святой парить.
Попасть туда, где ты ни разу не был.
Свободной, смелой, гордой птицей быть.
Ах, разрешите звонкой песней мне промчаться,
Среди полей, лесов, камней и рек.
Водой целебной каждой клеткой напиться
И вдруг понять – ты просто человек.

Кынгарга-река

С вершин таинственных Саян спускаясь,
Через расщелины и камни пробираясь
Жемчужной нитью дивных водопадов,
Становишься предметом восхищённых взглядов.
Ну, здравствуй, Кынгарга, любимая река,

С тобой на встречу вновь спешу издалека,
Вещички побросав, не отдохнув с дороги.
На берег каменный меня несут шальные ноги.
Я в руки зачерпну хрустально-ледяной водицы...
Мечтала целый год от всей души напиться,
Чтоб с каждой каплей сил, здоровья набирать
И тайны вековые постигать.
Испив воды и жажду утолив, я расслабляюсь,
Деревьям, солнышку, цветочкам улыбаюсь.
Под мерный шум глаза невольно закрываю
И множество картин я четко представляю.
Вот бубна звук, в который бьет шаман,
Вот переходит речку на коне Великий Хан,
Пьет жадно воду, весь дрожа, лесной олень,
Вот рассветает полный жизни новый день.
Ах, Кынгарга, как жаль с тобою расставаться,
Но нужно в душный, серый город возвращаться!
Ты не ворчи, всего лишь годик потерпи, родная,
Ведь я вернусь, от всех проблем уставшая такая.
И мы с тобой, как две подруги, повстречаемся,
Наговоримся обо всем – ох, наболтаемся!
И с каждой каплей чудотворной влаги
Полна я снова сил, здоровья и отваги!

В детский альбом:

Подснежник

На проталине, средь снега,
Одинокий, на ветру,
Зажелтел подснежник первый,
Как цыплёнок, весь в пуху.

Солнечный лучик

Солнце брызнуло лучами,
И один успел удрать.
Он моей подружке Тане
Сел на нос - пощекотать.

Синичка

Солнце светит всё светлее,
Согревая всех теплом.
И синичка всё звончее
Распевает с каждым днём.

Сосулька

Весною с каждой крыши,
День ото дня всё ниже,
Висят сосульки ледяные.

Ох, аппетитные какие!

II место:

Алтаев Николай, 17 лет,
деревня Байтог, Иркутской области

Отчий дом

Погода в доме не ахти
С дьявольскими холодами,
Постоянные дожди,
Омертвело всё с годами.
Крыша протекает,
Стены отсырели,
Ветерок в щелях гуляет,
Полы совсем просели.
Но живём мы равнодушно
Не взирая ни на что вокруг,
Всё так чертовски скучно
В страданиях бранных мук.
О, отчий дом ты полностью прогнил
И валишься на части,
Когда я меньше был
Какие здесь кипели страсти!
Но стихло всё давно
И стены замолчали,
Прогнило каждое бревно

В таинственной печали.

Не кумиры, но всё же...

Нет кумиров у меня
И не хочу я быть предметом подражания,
Вопреки запретам, сяду на коня
И умчусь от мироздания.
Буду жить я в шалаше,
Вспоминая всю богему бытия,
Знакомых сердцу и душе,
Но не похож на них, ни капли я.
Высоцким я горжусь –
Гений чистого словца,
И, может, дерзким покажусь,
Но, на что нам маски без лица.
«Бунтарь и алкаш!»
Сказал бы про него Ленин,
«Но всё-таки наш -
Русский,- Серёга Есенин».
Анна Герман – ангел неземной
Прилетевший из эдема,
Пробудить утопии покой,
Словно, дикая сирена.
Меланхолия и ностальгия,
Исписана куриным почерком бумажка,
Богата творчеством Россия

Как грехами старая монашка.

Мимолётность кайфа

Не трясутся руки и спокойна душа,

Оригами ничто после морфия...

Торопись не спеша –

Японская философия.

Как хорошо и прикольно

Находиться в экстазе,

Вроде, как и не больно,

Вроде, как и люди не мрази.

Висит тысяча журавлей из бумаги...

Но желанья мои не сбылись,

Словно Хиросима и Нагасаки –

Горит журавлиная высь.

Затряслись мои руки,

Мимолётность кайфа прошла,

Снова приступы боли и муки,

И все люди мрази...бла-бла-бла...

Лишь часы висят на стене,

Время только двенадцать и пять,

И если я проснусь в завтрашнем дне,-

Всё повторится опять.

Самокопание

Я хочу быть свободным

Как птица в полёте,

Но не хочу быть голодным
И валяться в помёте.
Желанья мои не в нови
И мечты лишь по - долгу и службе:
Лебединая верность в любви,
Самурайская преданность в дружбе.
Чего же ещё пожелать?
Чего хочу я от жизни?
Невозможно ребёнка понять
В подростковом эгоцентризме.

III место:

Никольская Полина, 15 лет,

с. Савватеевка

1.

Это счастье, что я именно здесь.
Это счастье, что я именно с теми.
Хорошо, что и трудности есть:
Они каждого делают сильнее.

Я привыкла терпеть эти крики...
Пусть так страшно болит голова.
Зоопарк этот вечный, дикий...
Средь толпы всё равно одна.

Это всё уготовано нам
Для того, чтоб мы были сильнее.

Дуб крепчает при сильных ветрах,
А алмаз - под высоким давлением.

2.

Засыпаны снегом крыши домов,
Открыты балконные двери.
И музыка тихо играет...
Ах, сколько же мы не успели!

Да, музыка делает чудо,
И глушит осеннюю боль.
Звучит в темноте пианино,
И страхи все сходят на ноль.

Но как же мы любим грустить
И в окнах считать фонари,
И свечи горящие рано тушить,
Что сами когда-то зажгли.

Ах, как понимать нам грустно -
Пройдут эти лучшие дни.
И мы ожидаем послушно,
Того, что нас ждёт впереди.

Ожидай ты сурового времени,
Ведь себя изменить тяжело.
Мы забудем о том, во что верили
И печально посмотрим в окно...

3.

Считать ты вправе, что сейчас
Преувеличиваю я.
Но помни свойство всякой правды -
Она у каждого своя.
Ты слишком много времени
Убил. И очень зря.
Ты никому не верил и
Чуть не сошёл с ума.
Ты слишком много времени
Украл. И потерял.
И дни твои, как серии
Прошли. И твой сериал
Так, как и все, закончится,
Останется лишь прах.
Не будет так, как хочется,
Хоть всё в твоих руках.
Ты сделал... ну хоть что-нибудь,
Чтоб жизнь свою менять?
Мечта была потеряна,
Ты сам решил страдать.
Так в скуке всё и кончится,
Таков уж твой удел.
Не будет так, как хочется -
Неправильно хотел...

4.

Ничего нет красивей рассвета!

Слепит глаз его яркий блик.
Вопрос всегда проще ответа,
Молчание громче, чем крик.

Ждать чудес для меня очень просто,
Я дождусь, если есть, чего ждать.
Если уж ты душою вцепился -
Друг мой, этого не отнять.

Тот сердцем и чувствами слаб,
Кто, без боя упав, быстро сдался.
А силён, безусловно, тот,
Кто словами, клянясь, не бросался.

Никогда не сдавайся, слышишь?
Помни, вдруг до победы лишь шаг?
Шансы есть. Не отступишь - ты выше,
А отступишь - один вариант.

5.

Тебя терзают мысли об ушедшем,
Когда молчишь ты с ними впятером,
Теряетесь в пространстве: ты и стены.
Как одержимый шепчешь об одном...
О том, как умирал в тебе октябрь,
О том, как он зажёг в тебе огонь,
О том, как первый снег на землю падал,

О том, как изменилось всё. Потом
Ты отстраняешься от жизни,
Ты видишь будто всё со стороны.
И слышишь странные, совсем чужие мысли
И понимаешь - все они твои.
Ты улетаешь. Дальше, дальше, дальше...
И вот планету нашу не видать!
Ты и забыл о том, что станешь старше,
Ты и забыл о том, как мог страдать.
Ты позабыл о страхе. Не уснуть.
А ты всё дальше - и не виден Млечный Путь!
А ты всё больше! И Вселенная - ничто.
А на планетах плачут люди. Отчего?
Зачем нам боль? Ведь все придём к итогу.
Зачем страдать и думать о плохом?
Зачем же злиться, принимать всё строго?
Подумай только, как же поздно мы поймём...
Ты стал Вселенной, впрочем, ей и был.
Ты просто понял, что неискренне любил.
Твои страдания теперь большая шутка,
Ты все сокровища в мгновение добыл.
Что для тебя теперь твои проблемы?
Что для тебя весь мир и кто есть ты?
Всё это выглядит так глупо, так нелепо,
На фоне звёздной, бесконечной темноты...

6.

Воспоминания и страх

Назло выдавливают слёзы.
Прошу ещё какой-то знак,
Пока что все они похожи.
Упорно верю в доброту,
Но вижу ложь одну и грубость.
На что мы тратим жизнь свою?
Скажи, к чему вся эта глупость?
Заметней света темнота,
Но в жизни всё наполовину.
Есть злость, а есть и доброта,
Но мы не ищем середину.
Живём. И каждый уникален.
Мир слышит каждого из нас:
И злых, и добрых, юных, старых.
И помнит каждую из фраз...

Семёнова Лилия, 15 лет

Мотыгинский район, Красноярский край

Позволь ты мне сказать, что я
Теплом души твоей согрета.
И в небе звёздочка моя
Сияет самым ярким светом.

Сияй звезда, гори всегда,
И не смотря на снег и бури
Пройдут дни, месяцы, года,
Но всё равно мы вместе будем.

Гори звезда, сияй на небе
Храни взаимную любовь
Живём лишь раз на белом свете
Кто знает – свидимся ли вновь...

За окошком сыплет снег
белою крупой,
Заметая всю дорогу узкою тропой.
Вот идёт он быстро, засыпая день,
Ты оставил на тропе той,
величаво тень.

Я услышала твои тихие шаги,
Но не в силах тебе крикнуть: «Подожди».
Ты ушёл оставив след, в памяти моей.
Чувствую любовь к тебе всё сильнее – сильнее.

За окошком сыплет снег,
Тихо не спеша,
Понимаю я теперь,
Жизнь – ты хороша!!!

Дипломантов в номинации «Поэзия»

в возрастной категории 18 – 21 год нет

